

И.А. Дедюхова

Сказка о девочке Петровой

Жила-была девочка по фамилии Петрова. И было ей как раз тогда уже, честно говоря, под сорок лет или чуть больше, точно она мне не говорила. А еще время от времени с нею случались всякие истории. Одна за другой. И все какие-то неприятные. Пришла она однажды на работу, а начальник ей вдруг, ни с того, ни с сего и говорит: «Слушай, Петрова! Вот мы тут посоветовались с товарищами и решили, что дура ты полная. М-да... Короче, в понедельник можешь на работу не выходить»

Петрова даже не нашлась, что ответить. Стоит полной дурой, глазами хлопает. Оглянулась она на своих подруг, с которыми чай пила еще вчера, а те на нее и не смотрят. Поглядела она на мужиков, с которыми тоже вчера курила на лестнице. Ничего, вроде, они вчера ей такого не говорили. Только за грудь щипали и хихикали как-то. Странно, да? А сейчас все были очень заняты своими делами, и всем было очень некогда. Поэтому на Петрову никто и не глядел. Потом Петрова увидела, что за ее столом уже сидит Лариса Петровна из отдела поставок, и спросила начальника: «А чо, мне уже прямо сейчас уходить?»

— Да, Петрова! Лучше будет, если ты прямо сейчас и свалишь, — честно сказал начальник по фамилии Кропоткин. — Ты заявление по собственному желанию напиши, чтобы мне репу не парить и тебе статью не выдумывать. Так, Петрова, лучше будет. Всем. На, вот тебе листочек!

Вот. Написала Петрова заявление, забрала от Ларисы Петровны свою косметичку и роман «Грезы разбитого сердца» и пошла, куда глаза глядят. Лариса Петровна в это время по телефону с Гамбургом разговаривала, город есть такой за границей. Поэтому Петровой неудобно ее было спрашивать про другие свои вещички. Например, про авторучку с фараонами и мельхиоровую ложечку. А еще, главное, Петрова только вчера два килограмма сахара купила для чаепитий. Знать бы, да?

За Мишкой в садик заходить Петровой было еще рано. Поэтому она пошла на скамейку в парк. Хотя не май месяц был все-таки. Сидит Петрова на скамейке, думу думает. Но почему-то мысли на морозе какие-то обрывочные, ломкие. Сразу замерзают и блям-с! Льдинками ломаются. Оглянулась Петрова по сторонам, поняла, что всем не до нее,

и достала тихонько сигаретку. А зажигалки-то в косметичке нет! И помады поддельной парижской тоже нет!

Совсем Петровой как-то не по себе стало. Она тут вспомнила, что и денег-то у нее кот наплакал. Н-да, ситуация. Вдруг видит Петрова, что напротив нее на скамейке мужичок с ноготок сидит и дорогую сигаретку курит. Она тогда тихонько свою болгарскую самокруточку в рукав спрятала и спросила того мужичка: «Мужчина! Сигареткой не угостите?» А чо в такой ситуации теряться, правда, девочки?

Мужчина молча достал целую пачку, и машет пачкой-то так, к себе. Ползи, мол, сюда, шалава старая. Петровой все равно до вечера делать было нечего, она и пошла к тому мужику на скамейку. Закурили, сидят. Вдруг мужик ей и говорит: «Я бы тебя к себе пригласил, да прилипнешь еще. Намертво.» Петрова только посмотрела на мужика и удивилась. Вроде, когда он напротив нее сидел, на нем дубленки этой не было и шапки такой приличной... И раньше у нее не было мыслей прилипнуть к этому мужику, а сейчас вдруг почувствовала она такую мысль. Но ненадолго. Потому что был мороз, и мысль эта сразу же у нее в голове вымерзла.

Но нашлась Петрова на этот раз, что ответить. Говорит посиневшими губами: «Что вы, что вы! Я же вас совсем не знаю!» Мужчина тоже посмотрел на нее так, длительно, и ответил: «Ладно. Хорошо трепаться. Поехали в «Медузу», там тепло»

И хотя Петрова очень боялась куда-то ехать, а денег у нее совсем не было, она все же решила перебраться в «Медузу», раз мужчина пообещал, что там будет тепло.

Тут мужичок свистнул диким посвистом, крикнул диким покриком, взвизгнул... Вот визжать так совсем было излишне, потому что машина по первому свисту подъехала. И какая! В такой замечательной машине только один толстый, рано обрюзгший певец в телике катался. Она в экран за один раз не помещалась. Ну, помните? Да маечка еще на нем такая коротенькая была! В пиджаке, помните? Потом его побрили, кажется.

В машине, девочки, стоял столик с пивом и розовой рыбой на тарелочке. Семга называется. Говорят, до чего вкусная, сволочь!

А в «Медузе» надо было пальто и шапку снимать. Правда, в зал в сапогах проходить разрешали. Даже таким, как Петрова. Очень обходительный стал в общественном питании народ. Ага. Разделась она, значит.

Мужчина тоже дубленку скинул и оказался в таком кожаном пиджаке, что у Петровой даже дыхание перехватило. Это, девочки, такой был пиджак! Посмотрел мужчина на свитер и брюки Петровой, но ничего не сказал. Подумал только.

Сели они, значит, за столик, познакомились.

— Я, Петрова, — сказал ей мужчина, — заколдованный Принц. Мне расколдовываться в текущий момент никак нельзя. Меня с бандитами второй год бывшая супруга ищет и налоговая полиция. Да хрен они меня поймают! Но ты-то должна понимать? В состоянии?

Петрова согласно кивнула. После коньяка в той машине и пива с кусочком семги, ей казалось, что она в состоянии понять абсолютно все на белом свете. Рот у нее гамбургером был занят, поэтому она с радостью слушала все, что вешал ей на уши этот Принц. Ну, что я, пересказывать все это буду, что ли? Ну, сами знаете, что в таких ситуациях Принцы на уши лепят. Что, ни разу такую хрень не выслушивали?

А Петрова-то наша после гамбургера, девочки, поплыла. Она хотела даже объяснить, что, мол, она не просто так, а на компьютере печатать умеет и по телефону отвечать, что начальника нет на месте... Но, глядя в задумчивые глаза Принца, поняла, что этого маловато для ее сорока с хвостиком лет. А глаза у него, девочки, были такие, что у Петровой даже вдруг мысли возникли героические, например, окончить курсы бухгалтерского учета, прийти в тридцатое царство дипломированным бухгалтером, сносив все сапоги и посохи, и спасти этого замечательного заколдованного Принца от кого-нибудь. Неважно.

Мало ли что от таких Принцев в голову приходит. Вот и наша Петрова, увидев, что Принц внимательно рассматривает свои золотые часы, только спросила: «Ой, а время сколько? Мне за Мишкой в садик надо!»

— Та-а-ак... У нас еще и Мишка имеется? — грустно покачав головой, спросил мужчина.

— Мишенька в этом году в школу пойдет! — радостно сообщила Петрова.

— Ладно, поехали за твоим Михуилом, — сказал ей Принц.

Нет, замечательные все-таки у этого Принца были глаза! Правда, разные. Один — голубой, другой несколько желтоватый. Подошли они к гардеробу, покачиваясь, а Петровой гардеробщик шубку лисью подает. Чернобурую, если точнее. Она стала было от шубки отпихиваться, а

принц посмотрел на нее таким голубым глазом, в котором плескалось теплое море, кричали чайки, а на небе не было ни одного облачка! У Петровой сразу закружилась голова, и она даже не заметила, как надела на свои крашенные волосенки чужой песцовый капор.

Только в машине девочка наша вспомнила, что в ее старом пальто остались ключи от квартиры, проездной билет и двенадцать рублей до получки. Но Принц тут же сказал: «Без надобности!» и притянул ее за роскошный воротник шубы непосредственно к своему лицу, пахнущему одеколоном уж, конечно, не фабрики «Северное сияние». А потом он даже стал как-то приспосабливаться, вроде бы на тот счет, чтобы чмокнуть ее в личность.

Надо сказать, нос у Петровой все дела отравлял. Не все, конечно, но многие. Одним словом, шнобель. Тут до Петровой внезапно доходит, что Принц — вылитый Кевин Костнер! И сознание ее сразу от избытка впечатлений несколько помутилось. Но она взяла себя в руки усилием воли, вспомнила все-таки про Мишку, которого не бабкина очередь была из садика забирать.

А Принц, девочки, дальше действует. Шубку на ней раздвинул... Ой, я, прям, тоже, девчонки, не могу! Ну, да... Раздвигает он шубку, и впивается своими разными глазами туда, под шубку. Смотрит, не мигая, но с удовольствием. Петровой даже интересно стало, что он там вдруг разглядел. Глаза так скосила, челюсть нижнюю отодвинув, а там, прямо на теле, такое белье, девочки! Вишневое! И из остальной одежды — только цепочка золотая с сапфировым кулончиком. И тут Петрову начал медленно пот прошибать. Что-то ей этот кулончик знакомым показался!

Но ей совсем не до мысленных раздумий стало, потому что Принц стал ее целовать, прямо как Мейсон Джулию в американском городе Санта-Барбара...

Ничего, главное, она Принцу не говорила, дорогу не объясняла, а подъехали они прямо к Мишкиному садiku. Петрова рванула было за Мишкой, а Принц, которого Петрова уже звала просто Альбертиком, из объятий ее своих не отпустил, кивнув шоферу: «Давай, сгоняй в садик! Тащи сюда пацана!» А потом опять стал целовать Петрову так, что она опомнилась только, когда мрачный шофер привел Мишку, посадив его рядом с собою на переднее сидение.

— Давай-ка, Петрова, — говорит этот Принц, — отправим хлопцев на каруселях кататься, а сами еще здесь полалакаем!

А Петрова, конечно, на все согласная, вцепилась Принцу в рукав и восторженно попискивает: «Альбертик! Родной!» Даже не поинтересовалась у Мишки, чем его на обед кормили в садике.

Мишке очередной мамкин Принц крайне не понравился. Он решил держать ухо востро. Да и шофер у него симпатии не вызвал.

Представляете, приходит на прогулку мужик в кепке и говорит: «Пошли к машине, малый, если мамку увидеть хочешь!» А нянечке тете Гале, которая хотела у него документ попросить, на грязной шее чик-чирик так нагло показывает. Херня какая-то.

Ну, подъехали к каруселям, значит. Вышел шофер из машины молча и пошел к каруселям, даже не оглянувшись на Мишку, который уныло плелся сзади. На сердце у Михаила было препоганейшее настроение. Только на каруселях кататься.

Шофер подрулил к билетной будке и буркнул себе под нос: «На чем крутиться будешь, малый?»

— Пошел ты! — сказал Михаил.

Тогда шофер обернулся к Мишке и внимательно посмотрел на него своими поросячьими глазками. И даже у него начала какая-то мысль на морде вырисовываться. Тут подскочила к кассе толстая тетенька с двумя сопляками и стала его в спину толкать: «Мужчина! Вы здесь стоите? Вы билеты купили? Решать в сторонке положено! Мне на Орбиту срочно надо! Уйди, говорю, сволочь, мне на Орбиту надо!»

Дяденька шофер вдруг говорит этой тетке свистящим шепотом: «Раз надо, так сейчас прям там и будешь!» И тетенька, прижав к груди толстые короткие ручки, попятилась от него сразу и села мимо скамейки на грязную снежную кучку. Шофер, проводив ее долгим взглядом, сказал Михаилу задумчивым голосом: «Вот не люблю я прошмандовок! Чо-то...»

Миша с грустью уставился в мировое пространство, нависшее над головой, и решил, что все вокруг мудаки, как и рассказывал ему дядя Гена из сорок третьей квартиры, когда ползком добирался к себе на третий этаж после зарплаты.

— Ну, это ты зря, парень! — вдруг сказал ему дяденька шофер. — Хотя, резон есть в этом, несомненно. Ладно, пошли в шайбу...

И они пошли в пивной ларек, стоявший неподалеку. Затарился дяденька шофер пивом, на закуску чебурек купил и шоколадку «Спорт».

Шоколадку он как-то мимо тяжких дум в карман к себе засунул, а чебурек понюхал с подозрительным выражением лица и спросил Мишку почти добродушно: «Будешь? Или в харю буфетчице сунем?»

— А вас из-за пива ГАИ не поймают? — выразил опасение Миша, отбирая у него чебурек.

— Не поймают. А если поймают, то крупно об том пожалеет, — отрезал шофер, вскрывая все шесть бутылок подряд о замусоленный край столика.

В уме у Михаила крутился один вопрос, который не давал ему покоя.

— Не могу я этого тебе сказать, парень, ты в этом деле заинтересованное лицо, — многозначительно произнес шофер и подмигнул одним свинячьим глазком Мишке.

— Дяденька! А если вам на ГАИ насрать, что же вы пиво без водки потребляете? Ценный продукт переводите! — сказал ему Мишка, наивно хлопая глазками, изо всех сил стараясь не думать о дяденьке Флегонтове из цокольного этажа, признававшего только такой сорт самого правильного пива. — Хотя, это понятно, хозяин ваш запретил, наверно.

Ох, и хитрый пацанчик у Петровой родился! Он сразу просек, что шоферюга энтот все у него прямо из головы слышит! Ну, такой уж наш Михаил был проходимый непосредственно с эмбрионального периода. Иначе бы как он вообще на свет появился нахаловкой? В те времена Петрова как раз в летчика-испытателя одного была влюблена. Она с ним в заводском профилактории познакомилась. Летчики, как известно, без неба жить не могут, хотя близость к небу здорово укорачивает им жизнь. Поэтому, когда он и на четвертое письмо не ответил, то поняла наша Петрова, что разбился ее летчик где-то вдребезги, отлетелся сердешный. Плакала, конечно, первое время, переживала, а потом, когда Мишка родился и стал орать каждую ночь, ей как-то не до переживаний стало. Но авиацию она даже после такого облома не разлюбила. Дура потому что.

Шофер этот удивился остроумному Мишкиному замечанию и сказал: «И то дело! Весь день на морозе, бя. А этот хмыреный мне не указ! Я из департамента внешних сношений, а он из... неважно. Строит еще из себя начальника, сволочь!» Взял он тут же две по сто, а потом еще три по двести. Вылакал почти все, чокаясь с Мишкиным чебуреком. Подобрел сразу как-то.

— А ты ничего, пацан, боевой! — сказал он Мишке с таким противным, разползающим в стороны смешком. — Башку бы тебе открутить надо, конечно, для порядка... Гы-ы... Ик! Проблемы от тебя могут быть... Да-а... Отвандил ни хера не видит! А я все-все вижу! — ласково погрозил он Мишке коричневым пальцем с огромным фиолетовым ногтем. Мишка даже на ноготь особого внимания не обратил, потому что в кривой ухмылке шофер обнажил острые желтые клыки. Такие клыки Миша видел только у одичавших псов с помойки. Ну, когда ходил он с ребятами на помойку. Клады искать. И их оттуда еще дяденьки помоечные вместе со своими жуткими собачками выгнали. Им эти клады самим нужны были.

Тут у шофера невзрачные глазки как-то советь начали, пленочкой покрываться. Мишка понял, что расколется сейчас, или никогда.

— А где вы живете с хозяином, а? Дядь! Дядь, ты не спи! Здесь не положено!

— Внизу!

— В канализации?

— Дурак! Это вы в канализации живете! Если с нашим миром сравнивать. Нет, ты скажи, какая же все-таки несправедливость, а? За что обидели меня, в душу харкнули! За что? Унизили! Гниды! Под кого меня засунули? Уроды!

— Дядь, а вас как зовут? А то неудобно к вам обращаться...

— Ха! Как меня зовут... Меня зовут Во... Во... Суки! Им даже насрать, как меня зовут! Обо мне такие люди романы писали! А они меня, из-за подлых интрижек, под этого опарыша поставили! На пенсию отправить хотели! Бывают суки и больше, но гораздо реже... Ты это... Зови меня просто — дядя Вова... Ик!

Сказал так шофер Мишке и упал небритой щекой в липкую лужицу расплескавшегося на столике пива. Потом он засопел носом с неприятным присвистом, сразу чем-то напомнив Мишке дядю Петю из шестнадцатой квартиры, который целыми днями так же сопел под почтовыми ящиками у них подьезде, срываясь только до дому к ночи. Миша подождал, пока дядя Вова ощутил заросшей щетиной уют городской пивнушки и принялся недовольно возиться мордой по столу.

— А дяденьке Отвандилу зачем мамка моя понадобилась? — тихонько спросил он дядю Вову в ухо.

— А? Чо? Где это мы? Ты кто? — поднял на него страшную кудлатую голову шофер.

— Дядя Вова! Миша я! Той тетеньки из машины — сын! Вы мне ответьте честно, Овандил ваш чо, девку помоложе не мог на железке снять? — наивно поинтересовался встревоженный Миша.

— Тебе не понять! — мечтательно протянул дядя Вова. — У мамки твоей есть огромная непреходящая ценность... да!

— Нет у нас ничего! Может, и было раньше, а теперь точно нет! — заволновался Миша, решив, что дяденька из машины выманит мамкин телик и холодильник, как дяденька Вострецов из пятидесятой квартиры занял у нее два года назад пятьсот рублей с получки до послезавтра — и с концами! Даже не здороваётся с мамкой теперь.

— Да душа у нее, злобы не знающая! Понял? Чо с твоей мамкой ни делай — она всему верит и понапрасну не ропщет! Это же брильянт! Чистый, как слеза младенца! Вы даже не представляете, какая это ценность по нынешним временам! — восхищенно зачмокал шофер.

Миша стал размышлять, что же на самом деле имеет в виду этот хитрый шоферюга. Размышления его носили, в целом, нерадостный характер. Все мужики, которые с мамкой на душевные темы раньше разговаривали, линяли, как правило, через неделю. Потом у них до получки жрать было нечего, а мамка рыдала в ванной, выбегая только к звонившему телефону. Дело принимало знакомый хреноватый оборот. «Суки! Суки голые! Причем, повсюду!» — подумал Миша словами пятиклассника Лешки Дыбы из восьмой квартиры.

— Это очень точно твой товарищ подметил! — тут же отозвался дядя Вова.

— А что же вы такую гниду, как вы сами сказали, над собой терпите? Платят много? — машинально спросил Миша шофера, пытавшегося разлепить смыкающиеся веки.

— Я из доверия вышел. Был такой случай. Ну... Душу я решил одну прикарманить. Я только попробовать хотел! Да шутка это была! Ты не подумай чего! Подышать только на нее хотел сбоку. Исключительно ради развития способностей к сыску, к следственным плановым мероприятиям... А Отвандил увидел, тревогу поднял. Настучал, гад. Я даже вдохнуть кусочек не успел... И надо мною, рыцарем второго ранга, прославленным магистром черной магии, демоном высшей категории и

мессиром, поставили жирную тыловую крысу! С-су-у-ки-и... Сейчас он въедет на белом коне к начальству, а я еще буду вынужден описать в рапорте, как чисто он провел операцию с твоей малахольной мамашей! А кто его здесь прикрывает? Кто ему магию обеспечивает и бесперебойную связь с Верховным Жрецом? Он даже всех ходов сюда не знает! Магический занавес! Ха! Прошел бы он его без меня, как же! Да ему бы пришлось по трубе туда-сюда лазать! Как сопливному!

— По какой трубе? — затаив дыхание, спросил Миша.

— Не имеет з-з...с...сначения. Какое теперь может быть с...сначение? Слушай, а чо я тебе только что говорил?

— Да что несправедливость с вами общая намечается.

— Общая? Точно?

— В самых общих чертах, — подтвердил Миша словами поварихи из садика, которая всегда с такими словами сдавала авансовый отчет бухгалтерше.

— Н-да... Несправедливость свойственна нашему жизненному укладу. В общих чертах, — задумчиво проговорил дядя Вова.

— Допивайте, дядь Вов! Видите, народ уже бутылки поджидает. Чего людей зря томить? К нам-то надолго? — спросил Мишка, наполняя пластиковый стаканчик дяди Вовы остатками пива и водки.

— Да как сказать... Сегодня обратно двинем. Мы ведь демоны, Мишка! Нельзя нам здесь долго околачиваться. Лишнее очеловечивание ни к чему хорошему не приводит, — сказал дядя Вова, с удовольствием прихлебывая из стаканчика. — Тоже ведь, не на каруселях кататься приехали...

— Опасаетесь кого-то, что ли?

— Да кого здесь опасаться? Нам, если хочешь знать, все наоборот свои души навяливают! Отбоя от клиентов нет! Просто душа — товар скоропортящийся. Она хоть и в контейнере, но долго так ее держать нельзя. Надо в хранилище сегодня успеть до закрытия сдать. Кстати, и нам, Михуил, двигать пора уже. Спасибо за компанию, как у вас говорят.

— Больше, значит, не свидимся? — спросил Миша, накидывая пальтишко.

— Вот чо ты в этом понимаешь, а? — вдруг стал раздражаться на него дядя Вова, промахнувшись стаканчиком мимо урны. — Придется еще

разок приползти... Наверное... Через два полнолуния. Сделку закреплять. Если мамка твоя хоть что-то в залог взять у Отвандила догадается. Да куда ей! Может, что и не свидимся. Уж напарничек-то мой проявит сейчас себя во всем блеске обозного гарнизона! Его только по таким несуразным бабенкам посылать! Интересно, догадается твоя мать что-нибудь в залог стянуть? Нет, наверно... Жаль. Твою мать!

— Ни чо у меня мамка никогда ни у кого не брала, — с горечью сказал Мишка.

— А я и говорю, что дура! Нет, не по мне все же такие вот паскудные дела! А какими я раньше делами ворочал! Какие балы закатывал! Не в Мухосранске гребаном, в столицах! — расхвастался дядя Вова.

Мишка захотел попросить его чем-нибудь помочь его глупой мамке, но шофер уже напялил свой картуз и поплелся к выходу.

Петрова на заднем сидении сидела какая-то вся покрасневшая. И Мишка понял, что этому зажавшемуся хмырю она уже отдала не то что душу, а вообще все, что только может отдать женщина.

Ну, сели в машину, значит. Дядя Вова пнул ногами чего-то там внизу в раздражении, и машина, испуганно взвизгнув, рванула с места. Дядя Вова всю дорогу проспал, упав головой на руль, Мишка ждал, что они непременно куда-нибудь въедут, но допилили без приключений. А на заднем сидении продолжалась возня.

— Миленький! Сладкий мой! Я же всю жизнь тебя одного ждала, — со страстным шепотом тянула к себе Петрова нижнего демона. — Что мне душа без тебя? Что мне жизнь без тебя? Все тебе отдам! Ничего мне взамен не надо! Счастье-то какое!

Мишка только сплевывал от этого сраму в полуоткрытое окошко. Ну, подъехали к дому, короче.

И тут Петрова, видать, почувствовала какое-то беспокойство. Из машины, главное, не выходит, а все ноет со слезой, глядя в разноцветные бегающие глазенки своего Принца: «Я же тебе душу отдала, Альбертик! Что же ты, даже кофе попить не поднимешься?» Даже Мишке стало как-то не по себе. Дядя Вова шмыгнув носом и сунул ему в руку шоколадку «Спорт», которую брал в шайбе на закуску, да так и забыл ею закусить. А Петрова все стонет на заднем сидении, руки ломает, за энтого козла цепляется: «А ты завтра приедешь, Альбертик? А послезавтра? Миленький! А ты вообще приедешь? К мене-е-е...»

И тут напарник дяди Вовы, чтобы выпроводить ее из машины скорее и прервать этот бесконечный бабий вой, возьми да и скажи ей: «А то!»

Мишка посмотрел на дядю Вову вопросительно. Ну, мол, обещание-то тыловой крысы о свиданке сойдет в качестве залога или как? А у того даже уши из-под кепки значительно так увеличились. Он удовлетворенно щелкнул фиолетовыми коготками и ухмыльнулся. Мишка так и понял, что шоферюга непременно ихнему Верховному Жрецу о проколе мамкиного Принца настучит.

В квартиру Петрова с Мишкой проникли без особых приключений. У мамки сумка такая вдруг в руках появилась. Из крокодиловой кожи. В ней, кроме косметички и пачки презервативов, лежали ключи, которые точняком подошли к новой бронированной двери.

Дома все было вроде на своих местах. И холодильник, и телевизор. Петрова утерла зареванное лицо и сразу вспомнила, что закрутилась она, конечно, три вечерних сериала пропустила. Оставался только ночной повтор самого ее любимого. Про любовь и тайны жителей тихоокеанского побережья Америки. Петрова его смотрела девятый год подряд и бросать это дело не собиралась даже ради большой и светлой любви, которая случилась у нее сегодня вечером на заднем сидении заграничной машины.

Мишка от мамки в туалете закрылся. Чо-то от холодного чебурека, съеденного им в шайбе, его ливеру стало как-то слишком посредственно. Да и вообще подумать не мешало без зареванной глупой физиономии Петровой.

А тут Петрова стала ему кричать из комнаты: «Мишка! Скорее! Началось уже, а я телик врубить не могу! Ты чо с теликом сделал, зараза?»

Мишка пришел из туалета и видит, что телик вроде как не ихний даже. Машинально он взял лентяйку с орехового журнального столика в стиле ампир, который ему смутно напомнил что-то, и надавил на нужную кнопку. Мамка упала на кресло у телевизора, а Мишка зашел на кухню в поисках чего бы пожрать. На кухне стоял громадный холодильник. Миша потянул за дверцу и в растерянности присел возле холодильника, забитого всяческой снедью, прямо на пол из индонезийского бамбука. Пьяный бред шофера дяди Вовы начал приобретать реальные очертания.

Медленно до Миши сквозь тамтамы, бившие в ушах, донесся из комнаты жалобный плач мамки. Сделав вдох и выдох, как его учили в садике на

зарядке физической культурой, он поплелся к ней, мысленно готовясь к самому страшному.

— Миша! Сынок! — сквозь слезы проговорила Петрова. — Ми...му...мэ-э! Мэйсона похитили!

У Мишки сразу отлегло от сердца. Он понял, что с мамкой его все в порядке! Как была дурой, так и осталась! Но всего, творившегося вокруг в совокупности, для него было уже выше крыши. Плюнул он на все эти несуразности и спокойно отправился к себе в закуток, где вместо его продавленной раскладушки стояла теперь чудная детская кроватка с одеялом, разрисованным радостно оскалившимися Микки Маусами.

«Вот суки!» — подумал Миша. Сил расстраиваться еще по поводу Микки Маусов у него уже не было. Он лег и почти сразу провалился в беспокойный тяжкий сон.

Снился ему мамкин Принц с разными глазками, шофер дядя Вова, щелкающий своими ногтями у самого носа: «Раз, два!» Потом Микки Маусы с одеяла начали тянуть свои тонкие ручонки прямо к Мишкиному горлу и кричать на разные голоса: «Признавайся, Михуил, хорошо ли с глупой мамкой жить? Скажи, что с умной-то мамкой жить лучше? На кой ей душа такая глупая, скажи!» И до самого утра, короче, Мишке пришлось отбиваться от их липких паучьих лапок.

Утром Михаил проснулся от странного, сильного запаха. В доме непривычно пахло едой. Он пошел босиком на кухню и обомлел. Накрашенная Петрова в аккуратном передничке готовила сэндвичи и глазунью с беконом, прекрасно ориентируясь среди различного импортного оборудования. Горячий кофе уже стоял на столе в таком длинном чайничке с домиками и мельничными колесами на боку. Миша сел на плетеный стул, а Петрова, озабоченно взглянув на золотые швейцарские часы, сказала: «Сынок! У тебя четыре минуты на то, чтобы привести себя в порядок. Надеюсь, тебе не надо повторять такие вещи дважды»

Нет, не надо было Мишке такое повторять во второй раз. Ему и первого раза хватило. А когда Петрова сделала ему замечание за столом, Миша понял, что долго так не продержится.

В то утро, вообще-то, отводить Мишку в садик была бабкина очередь. Бабка явилась, конечно, с опозданием. И, конечно, под градусом. Петрова встретила мать в коридоре уже одетая.

— Вы, мама, опять на восемнадцать минут опоздали, — сказала она ровным голосом, от которого у Мишки с похмельной бабкой почему-то мураши по хребтам пробежали.

На автобусной остановке бабка спросила Мишку: «Минь! А чо с мамкой-то такое? Обидел ее кто-нибудь, что ли?»

— Души у нее теперь нет. Вот что с нею такое, бабань, — горько вздохнул Миша.

— Да-а... Чо-то она совсем сегодня! Родной матери на «вы» квакает: «Мама! Вы опоздали на восемнадцать минут!» Вот жопа! Корми ее, пои, в люди выводи, а она... Такое сказать родной матери! — сокрушалась бабка.

...А тем временем наша Петрова вплыла, значит, в кабинет к господину Кропоткину. И никто ее даже остановить-то на вахте не посмел! Как остановить такую? Кем же это надо быть? Шуба на ней сияла, словно солнце, а непосредственно на шее располагалось сапфировое кольцо. Точь-в-точь, как на Веронике из одноименного сериала, когда у нее нашелся богатый папа из Южной Америки, который ее искал всю жизнь, все триста восемьдесят шесть серий!

Да, входит Петрова и говорит господину Кропоткину своим новым, ко всему безразличным тоном: «Владимир Германович! Надеюсь, вы уже оформили мою трудовую книжку?»

Начальник ее бывший стал суетливо бумажки на столе перебирать. Потому что у него ноги отнялись. А так он вообще-то встать хотел. Навытяжку. Тут Петрова невзначай выставила вперед левую ногу в высоком ботильоне. Для более устойчивой опоры тела, упрятанного в такую же шубку, которую всегда надевала Луизинья, героиня сериала «Трепет твоего сердца», когда плакала о похищенной злодеями маленькой хорошенькой дочери. И почувствовал в этот момент господин Кропоткин, что сердце его как-то странно начинает трепетать и давать сбои.

Утрата духовности явно пошла на пользу внешности Петровой. Ведь раньше она, бывало, проснется, а душа у нее внутри ворочается, мешает сосредоточиться на главном. Так и лежит, бывало, Петрова, страдает душевно, пока бабка за Мишкой не завалит. А потом дует на всех парах в офис господина Кропоткина. Ладно, если причесаться успеет. А тут... Да кто же спорит, девочки! Мы, конечно, тоже можем выглядеть где-то сносно, если нас причесать, но в Петровой в то утро появился

непередаваемый шик, который встречается только у самых духовно недоразвитых гадин! Ну, знаете, наверно, таких! Фамилии называть не будем.

Конечно, сама мысль, что секретаршей у него будет не эта потрясающая, роскошная в своей бездуховности Петрова, а давно надоевшая Лариса Петровна из отдела поставок, стала вдруг для господина Кропоткина трудно переносимой. Он все-таки выскочил из-за стола к Петровой, ухватил ее за крошечную ручку в лайковой перчатке и восторженно произнес: «Да ты чо, Петрова! Как ты...то есть, как вы могли такое подумать, э-э-э...»

Петрова многообещающе, поощрительно улыбнулась лысому, толстому Кропоткину, усиленно потевшему возле ее руки, и сделала брови домиком.

— Мы же вас давно уже хотели главой отдела реализации поставить! — брякнул Кропоткин совершенно для себя неожиданно, начисто забыв, что уже обещал это место дочери Вячеслава Родионовича из министерства...

А Петрова только слегка пошевелила чернобурыми плечами, повела влажными глазами по навесному потолку и даже не улыбнулась. И господину Кропоткину на миг показалось, что внутри нее стучит не сердце, а маленький перламутровый арифмометр. Но только на миг почудилось... Ерунда какая-то!

Долго ли так времечко катилось, скоро ли, про то я, девочки, не ведаю. Это же надо внутри самой ситуации находиться, чтобы ощущать его разбег.

Через некоторое время Петрова прочно привыкла, что она и не дура какая-то вовсе, а самая умная, самая красивая, самая-самая во всем их городе. Куда она только не заходила, где только не появлялась, все тут же начинали ей бурно радоваться. А кто радовался не слишком бурно, того Петрова не извиняла. Поскольку приказ ею был дан, чтобы всем радоваться именно бурно. Ну, а кто в нашем сугобо демократическом обществе не понимает приказов, тот ведь везде лишним бывает. Остается с носом. А еще лучше — без носа. И все радовались! Бурно! А чо печалиться, если всем так сразу хорошо стало, так радостно!

Только один Мишка сумрачный все это время ходил. Завел он себе лунный календарь и крестиками дни считал. Перемены, происходившие вокруг него, одного только его, похоже, не радовали. Но Петрова сына

извиняла. Как-то выделяла его из всех остальных. Понимала она, что, в силу своей занятости, слишком мало времени уделяет подрастающему поколению. Хотела даже повысить это время с семнадцати минут в день до двадцати двух, но не получалось пока. Дел было невпроворот.

Мишкину бабушку Петрова сдала на принудительное лечение от алкоголизма в шикарную больничку для бывших жен коммерсантов. Такая петрушка у них в городе повелась, что как только жена вдруг не нужна становилась, так ее в такую клинику за большие деньги сдавали, потому как все свое имущество коммерсанты почему-то непременно на старых жен записывали. А больничное начальство им само уже потом продлевало доверенность на управление этим имуществом. Всем так удобнее было. Ни судов, ни скандалов. Сидят эти жены тихо по лавочкам. А бывшие их мужья передадут им пару бананчиков — да и к окошечку специальному в приемном покое рысью бегут. Им там печать — хрясть! Подпись главного врача — бац! Занимайся, дорогой товарищ, коммерцией!

Мишка старался вести себя тихонько, не привлекая к себе особого внимания мамки, поскольку опасался, что она и его куда-нибудь запросто может сдать. Ага. И будет он тогда сидеть на лавке у забора, как бабка, тоскливо глядя на проплывающие мимо лохматые облака.

Впрочем, и при желании не смог бы он доставить Петровой никаких огорчений. Михаил теперь ходил везде с такой специальной тетенькой — телохранительницей Софьей Платоновной. Петрова почему-то решила, что Мишку могут похитить, а она очень боялась шантажа. Вернее, не шантажа она боялась, насрать ей было на какой-то шантаж! Опасалась она, как раз, ряда непродуманных решений со своей стороны, Ну, там со стрельбой и прочей мокрушкой. После того, как она стала главной на своей работе, уволила всех прежних сотрудников, включая господина Кропоткина и Ларису Петровну из отдела поставок, захватила несколько смежных фирм, она вообще раздражалась по самым пустячным поводам. Отсутствие самоконтроля ее беспокоило, короче. Но даже не столько ее, сколько ее психоаналитика. Самого дорого в городе, конечно.

А Мишку беспокоило, что она ничего не помнит из того дикого пьяного вечера. О своем Принце ни разу не вспомнила даже. Будто и не было с нею никогда истерики в чужой машине, будто и не цеплялась она за того Альбертика-Отвандила, будто всю жизнь только и делала, что чужие фирмы захватывала, бандитов к конкурентам подсылала, ментов подкармливала, чиновников штабелями покупала... А ведь помнил

Миша, что еще недавно мамка ему перед сном сказки рассказывала про то, как когда-то она была пионеркой... Э-эх!

Но вот прошло два полнолуния, приближалось и третье. Самое последнее, если, конечно, шоферюга не надул. Мишка про себя-то все давно решил. Бороться он решил, как мамкины пионеры! На фиг ему такой график! Хотя эти гаденыши — Микки Маусы в каждом сне ему доказывали, что это он так из эгоизма про мамку думает и по причине крайней инфантильности. Что если бы он был не таким сопливым, то понял бы, что теперяшняя жизнь в серебристой чернобурке для Петровой — самое милое дело!

И вот утром, когда Мишка прочел в своем тайном календаре «Полнолуние», Петрова с особенно тщательностью наложила макияж. Телохранительша уже сидела на скамейке перед подъездом, ожидая выхода Мишки, ковырявшегося вилкой в глазунье.

— Сынок! Скушай все немедленно, Софья Платоновна уже ждет! Обязательно съешь спаржу! Она тебе просто необходима! — привычно отдавала приказы Петрова из туалета. — Мне сегодня важный контракт подписывать! Не нервируй меня!

— С кем, мамочка? — как можно равнодушнее спросил Мишка.

— С фирмой Альберта Отвандилова. Не слышал по радио?

— Н-нет...

— Значит, сниму с них пени и неустойку. Обещали дать такую рекламу, чтобы все дошкольники знали. Подвел Михайличенко, значит. Так-так... Перчатки не забудь! Всего доброго! Чмок-чмок!

И понял Мишка, что какой умной теперь ни была его мамка, но снова обманул ее Отвандил.

Контракты мамка подписывала в 12 часов 37 минут. Перед ланчем. Поэтому на прогулке Мишка попросил ребят помочь ему отогнуть доски в заборе. За утаенную с прошлого уик-энда шоколадку ребята согласились помалкивать, что Мишка сбежал из садика...

Отвандил вышел из офиса весьма довольным без пяти минут час. Он сел в свою огромную машину, за рулем которой парился угрюмый дядя Вова. Санки пятиклассника Леша Дыбы Мишка спрятал рядом, в кустах, засыпанных снегом, с вечера. Леша уверял, что конструкция стальных проволочных петелек позволит Мишке колбасить даже за джиперами. Мишку только немного испугало, что когда он тихонько цеплялся к

машине Отвандила, стараясь не засветиться в зеркало заднего вида, машина вздрогнула, как живая.

Мишка вцепился мертвой хваткой в санки, машина рванула с места, и началась поездочка, скажу я вам, не рядовая. Да чем угодно Мишка бы мог поклясться, что эта машина специально старалась его стряхнуть! А какие повороты эта штука закладывала! Мишка с трудом балансировал на одном лезвии полозьев, пытаюсь не опрокинуться на спину! И ведь повсюду гаишники стояли! Никто на них и не взглянул! Хотя не май месяц был, могли бы хоть на похмельный штраф выпросить! Нет, все делали вид, будто даже не подозревают, что мимо них на дикой скорости несутся два демона с Мишкой на прицепе и душой бизнесвуменши Петровой в контейнере.

Потом Мишка в каком-то диком бреду увидел вместо сверкавшего никелем бампера чью-то задницу невероятных размеров.

Отвратительную, со всех точек зрения. Задница раздраженно подрагивала салом, вихляя из стороны в сторону. И, в принципе, Мишка понял ее недовольство, разглядев, к чему именно прицеплены стальные проволочные петельки конструкции Леша Дыбы... Он едва успел соскочить с санок перед тем, как с багрового неба на них опустился жуткий раздвоенный хвост, покрытый ошметками зеленоватой слизи... Хрясь! И санки превратились в кучку щепок с отлетевшими в стороны полозьями.

Тут изо всех подворотен вывалила какая-то пацанва. Мишка постарался смешаться с этой толпой низкорослых ублюдков, радостно кричавших: «Отвандил вернулся! Отвандил!» Хвостатые гаденыши с носами-пуговками принялись сновать прямо перед слюнявой мордой бывшей машины, и эта гнида резко сбавила ход.

Миша натянул треух на нос поглубже и тоже для виду стал скакать возле этой гадины, на хребтине которой, между двумя мохнатыми горбами сидел мамкин Альбертик. На нем теперь был парчовый пиджак, усыпанный сверкающими камушками по лацканам и манжетам. И весь он был такой гордый, преисполненный сознания выполненного долга перед радостно прыгающей мохнатой общественностью. Нос у него сплюснулся в кабаньей пяточек, а на башке появились ветвистые рога. Последнее украшение его личности Мишка воспринял как должное, вспомнив, сколько вечеров мамка задерживалась на работе в период двух предыдущих лунных циклов.

Дядя Вова с кривой ухмылкой сидел на тонкой шее бегемотины и усиленно старался скрыть обуревавшие его чувства. Ничего хорошего он на этой шее не ощущал. Никто ему даже не обрадовался, не крикнул: «Ой, гляньте! Это же дядя Вова на шее сидит! Радость-то какая! И не изменился совсем! Как на фотографии! Те же рожки, те же ушки мохнатые, тот же пяточок! И костюмчик бархатный! Вовик, мы здесь!»

Всем было глубоко наплевать на бывшего черного рыцаря и мессира. За балы ему, видать, и прилетело на голой шее без подстилки сидеть. Лишнего, надо думать, на баб и водку потратил.

Вокруг стояли сооружения, протыкавшие золочеными шпильями небо, набухшее сиреневыми облаками. Окна, заключенные в бронзовые рамы, переливались перламутром, и сама эта вся... ну, такая... как ее там? Архитектура вроде! Да! Архитектура была чрезвычайно заковыристая. Вокруг богатство, прям, в ноздри лезло! Яшма, гранит, хрусталь горный, малахит... Больше я и слов таких не знаю, чтобы описать, что творилось вокруг Мишки. А над головой, на маленьких позолоченных мухах, почти как в сериале «Жизнь под чужими небесами», летали разные чудаки на известную букву и раскидывали над толпой листовки с рекламой спрея для шерсти лица.

Тут все это стихийно возникшее шествие начало медленно притормаживать перед огромным зданием с фасадом, убранным этажей на двести черным тонированным стеклом. Над входом висела строгая бронзовая табличка «Хранилище душ города Мухостранска». У подъезда стояли два важных хмыря в балахонах. Они поклонились Альбертику, подали ему трап золоченый, по которому тот спустился на затейливо вымощенный тротуар перед хранилищем. Вовик, естественно, с трудом сковырнулся с жилистой выи без посторонней помощи. В руках у Альбертика был контейнер из огромного цельного топаза, внутри которого что-то слабо светилось. И у Мишки в ответ на это свечение что-то екнуло в районе пищевода, а потом застучало в сердце.

Мишка бочком осторожненько просочился за спинами балахонистых швейцаров, прибиравших складную лесенку из чистого золота до следующей церемонии. В хранилище Альбертик вошел с серьезной мордой, держа на вытянутых руках топазовый контейнер. Вовик тащился за ним, вяло переставляя копыта. У какой-то двери Альбертик небрежно передал контейнер Вова, который при этом склонился и отрапортовал: «Вахту принял!» Альбертик небрежно ему ответил: «Давай теперь сам, масенький!» и протянул два мохнатых пальца для

поцелуя. Мишка даже зажмурился от внутренней неловкости, глядя, как Вовик тут же их чмокнул. Из-за этих жмуток Мишка чуть замешкался, но успел-таки проскочить в дверку за дядей Вовой.

Ух, и огромный же зал был за той дверкой! Огромный-преогромный! А по стенам стояли такие стеллажи! Такие были только в сериале «Последняя страсть баронессы Розенблюмской», когда она еще входит в библиотеку к лорду Винкельнштейну, чтобы, наконец, признаться, что пять лет назад это она была в черной маске в харчевне «Пятнадцатый заяц», и теперь у них будет ребенок... Да, такие стеллажи были только там!

На застекленных дубовых дверцах с резной филенкой были привинчены серебряные таблички: «Городская дума», «Представители федерального Правительства на местах», «Политические партии и общественные движения», «Городское жилищное управление», «Комитет по управлению государственной собственностью», «Ментовка», «РАО ЕЭС России», «Городская клиническая больница»... Много разных табличек было. У дяди Вовы даже глаза разбежались. Не мог он сразу понять, куда ему душу девочки Петровой приткнуть. Некоторые души находились в больших бутылках с пробками на резинке и плавали там в спирту. Они только в спирту могли жить потому что. И Мишка с гордостью заметил, что практически все души в хранилище были с каким-нибудь изъяном, хоть неприметная чревоотчинка, да была! Но, в основном, какие-то эти души были подгнившие, недоразвитые, покрытые голубоватой пленкой и разводами плесени. А мамкина душа, тихо томившаяся в контейнере, была такая ровненькая, такая беленькая...

— Ну, ты дерьмо прилипчивое! — вдруг услышал Мишка над самым ухом, рванулся и понял, что его прочно удерживают за воротник острым цепким когтем.

— Что, попался, поганец? — спросил его дядя Вова, поднося Мишку за шею к самому... этому... тому, что теперь у него было вместо лица.

— Дядь Вова! Я не нарочно! Я нечаянно! Покататься я хотел! Пустите! Я обсикаюсь! — заверещал Мишка.

— Не нарочно он! Да я тебя еще за магическим занавесом заметил! Вот пожру сегодня славно! — подавился слюной дядя Вова. — Сейчас пристрою душу твоей матери, тобою займусь, с удовольствием!

— Без суда и следствия? А вам можно? Вас не заругают? — подколот Мишка демона, вспомнив, как он пальчики у Альбертика в дверях

целовал. Прикол его попал в цель немедленно. Дядя Вова даже застонал, несколько ослабив хватку на Мишкином горле.

— Говорят, чем меньше вошь, тем больнее кусается! Но учти, что в душу мне тебе харкнуть не удастся! Нету ее у меня! — рассердился дядя Вова.

— Да в чем проблема-то? Заведите душу, там и разберемся, кто кому глубже харкнет! Она сколько душ у вас в наличии! — зло прошипел Мишка, стараясь извернуться и пнуть дядю Вову под дыхалку.

— Да чо ты понимаешь? Видишь, какие души здесь лежат! Порченные! — с усилием проговорил дядя Вова, удерживая Мишку на вытянутой мохнатой лапе. — Нам ведь, сам видишь, кто души на хранение сдает. Они только на чисто утилитарные цели пригодные.

— К-какие?

— Да кушаем мы их! По праздникам. Вкусно. Наверно. Не пинайся, гаденыш, а то хуже будет! Без собственной души ведь даже вкуса того, что жрешь, не чувствуешь. А вот бывшая душа твоей мамки, наверно, хороша на вкус! Но ее к общему столу не спустят. Сами в узком кругу сожрут. У нас ведь, в принципе, то же самое — чиновничье засилье, коррупция. Никакой демократии, одним словом. Слушай, я тебя сейчас свяжу, ты не дергайся, а? Можешь хоть минутку побыть человеком?

— Когда... сожрут? — выдохнул Мишка, продолжая дергаться.

— Чо? А... Да на днях. Мне ее пристроить надо, а ты меня от дела отвлекаешь... Вот как окончательно договорчик твоей матери Верховный Жрец утвердит, так непременно сожрем! Куда она денется?

— В жопу вденется! — мрачно предрек Миша.

— Сразу ты мне, парень, не понравился, — ласково произнес дядя Вова, показав ему чик-чирик по горлу фиолетовыми когтями.

...Бездуховная Петрова, при всем этом Мишкином шебуршании вокруг нее, была абсолютно спокойна и уверена в нормальном процессе происходящего. Хотя ее психоаналитик на последнем дорогостоящем сеансе растерянно произнес: «Знаете, Валентина Викторовна... ха-ха... как бы мягче сказать... А души-то у вас нет!»

— А ну и хрен с ней! — просто ответила ему Петрова, решительно поднимаясь с кресла. Планов у нее в тот день было, помимо душевных разговоров с психоаналитиком, громадьё. До вечера она собиралась досрочно расторгнуть в исполкоме два арендных договора своих

конкурентов, убрать с поста главного санитарного врача города, хорошенько припугнуть начальника отдела внутренних дел и немного придушить банк Первомайский. Ничего особенного, короче.

Заехав в офис, чтобы сделать пару звончков не с мобильного, она застала толпу встревоженных халдев и телохранительницу Софью Платоновну, размазывавшую слезы по щекам. В этот момент Петрова испытала сильную досаду и недоумение. За что это она, интересно, деньги подобным идиотам платит? Планы полетели вверх тормашками, Петровой в тот вечер пришлось срочно организовывать общегородское усиление, включить план Перехват, вызвать подкрепление ФСБ, штаба ГО, МЧС и даже позвонить смотрящему Пете Лимончику.

В ее светлую расчетливую голову, лишенную душевных предрассудков, никак не могло прийти, что ее сын Миша как раз в этот момент в нижних мирах дерется с демоном дядей Вовой, пытаясь выбрать из когтистых лап топазовый контейнер с ее душой...

— Да не царапайся ты, сопляк! Все равно тебе не вынести ее отсюда никак! И мать твоя сюда никогда дорогу не найдет. Да не плюйся ты, падаль! Вот гнида живучая! Хи-хи! Непруха у тебя сегодня, Михаил! Прощайся со своей жалкой биографией! — орал дядя Вова.

— Дядь Вова! А сам-то не хочешь попробовать? Все равно же никто же не узнает! — просипел Мишка из последних сил.

— Чо попробовать? Чо ты мне пробовать присоветуешь? — шипел бывший черный рыцарь, однако, слегка ослабив тиски на Мишкином горле.

— Ну-у... Душу в себя вдохнуть... Подумаешь, хрень какая! Никто же не узнает! Жалко ее так просто поварам сдавать, а? Кусочек себе вставить... Для следственных мероприятий... — выдохнул Миша прямо в желтые клыки перед собственным носом.

— Дык, как ее себе вставишь? — растерянно сказал Вовик. А потом сразу взревел: «Ты чо? Думаешь, на ересь меня подбить? На роль Демиурга покуситься? Ну, ты говно! Да я тебе сейчас моргалки вовнутрь себя поверну!»

Но мысль эта уже загвоздилась в его сознании, поэтому он раздумчиво произнес: «Я же все равно не знаю, как, а, главное, куда ее себе вставить...»

— Да чо сложного-то... придурок, — прохрипел Мишка, пытаюсь ослабить хватку стальных когтей дяди Вовы на своей шее.

— То есть? — с интересом переспросил демон.

— Сам же давеча рассказывал... Пусти, а? К лицу... или что там у тебя... поднести надо и вдохнуть... С того вон боку... Видишь, где почечка такая...

Дядя Вова выпустил Мишку, который упал возле него на колени, стараясь отдышаться. Он аккуратно вынул коготками душу Петровой из футляра и с интересом поднес ее к самой своей неприглядной харе. Мамкина душа плотно сжалась в комок от холода контейнера. Мишка даже испугался на минутку, что она уже погибла. Но, почувствовав нечто живое рядом, душа доверчиво потянулась к замороженному ее пробуждением демону, ласково обвивая своими лепестками его зазубренные грязные когти. Черный рыцарь неотрывно смотрел на диковинный цветок, распускавшийся прямо у него в руках, а когда свет глупой души Петровой вдруг озарил заросшую бурой шерстью сопатку демона, Мишке почудилось, что тот пытается ей в ответ улыбнуться...

И тут в хранилище сработала сигнализация. И Мишке самому пришлось срочно эвакуировать в дежурку этого отстойного дядю Вову, намертво приклеившегося к мамкиной душе. Он понял, что общее руководство на период дислокации в обратную сторону ему вообще придется взять на себя. Вовик совершенно поплыл от внезапно нахлынувших новых впечатлений. Хранилище им удалось покинуть вовремя, пока всполошившаяся охрана не успела заблокировать все выходы. Но дальше началось неопишваемое.

— Смотри, Мишенька, какие демонятки симпатичные! — рвался сдвинувшийся по фазе дядя Вова на освещенную гнилушками площадку перед ихним детским садиком, где малолетние демоны учились скалить небольшие пока клыки на воспиталку.

Мише изо всех сил приходилось удерживать его за хвост. Поначалу. Потом хвост вообще остался у Мишки в руке, а дядя Вова чуть не вляпался по инерции в какую-то белесую хрень возле демонического зоопарка, залюбовавшись дивным изгибом шейки зубастого крокодильчика с лапками кенгуру. Когти дядя Вова начал терять уже у трубы, когда с трудом понял, что не сможет преодолеть магический занавес, и полез в иной мир прямо через какую-то трубу, цепляясь за дырки от ржавчины когтями.

Миша держался за его штанину и проклинал этого гада на чем свет стоит. И просил ведь Мишка у него немного: душу мамкину понести, просил. А этот отморозок, жадина-говядина, так и не дал!

Осторожненько в зубы прихватил мамкину душу, и знай, наверх царапается, а той — хоть бы хны! Даже обидно Мишке становилось, когда душа девочки Петровой вдруг начинала щекотать эту страхолюдину разросшимися лепестками за мохнатыми ушами! И дядя Вова в этот момент совершенно демонически верещал поросычьим пятачком от удовольствия.

— Ты не понимаешь, Мишенька! Ничего не понимаешь! — восторженно шепелявил ему дядя Вова, когда останавливался передохнуть, повиснув на трубе по-обезьяньи на одной лапе. — У тебя ведь душа просто так была дадена! Ни за что! Ты же ее даже не чувствуешь! А у меня такой восторг души нынче! У меня теперь даже сердце, наверно, теперь будет! Я весь к новой жизни возрождаюсь! Я даже материться не буду! Какая нежность, бля, от нее по всему организму! А я раньше книжку читал, что у баб души не бывает вовсе! Чего только не напишут, пидарасы!

Шерсть летела с него клочьями. Мишка только отмахивался внизу от липких, дурно пахнущих клочков.

Не-е... Такое в Мишкины планы не входило. В принципе, он сам бы давно смотал отсюда удочки по-пластунски под занавесом между мирами, а этот чудак только затруднял всеми способами его продвижение. В трубу еще полез, гнида!

Честно говоря, Мишка-то предполагал, что Вовик прибалдеет немного на почве внезапной духовности, а он у него душу мамкину из когтистых ручонок стибрит, да и ходу! До дома, до хаты! А сейчас возись, блин, с перерожденцем хреновым. Жди, пока он доверху доползет. И совершенно не представлял Михаил, куда наверху-то девать сильно полинявшего дядю Вову. Какую-то он теперь чувствовал ответственность, что ли, за влипшего в историю из-за его хитрожопости демона. Без хвоста ему тут, конечно, среди гнилушек долго не протянуть, с тоской думал Миша.

А Вова в тот момент было все до лампы! Обломав последние когти, он радостно приподнял крышку люка рогами, которые тут же подозрительно хрустнули. Но дядю Вову это не становило.

— Миша, глянь! Травка! Цветочки! Красота-то какая! — восторженно простонал он, вытягивая Мишку из люка. На подтаявшей проплешине рядом желтел прошлогодний кустик чертополоха.

Миша встал, подтащил крышку обратно к отверстию, и дядя Вова из последних демонических сил загнал ее в трубу и припечатал копытцем, которое так и осталось коричневым ошметком на люке, тут же слившимся с наземной поверхностью.

Вылезли они, надо сказать, далековато от конечной остановки восьмого автобуса. Пилить им пришлось оттуда прилично. Душу дядя Вова спрятал под кургузый жакетик, оставшийся от бывшего камзольного великолепия нижнего мира. И Мишке иногда казалось, что у него там за пазухой сидит непоседливый котенок, который трется о его плечо и, вроде, даже мурлыкает. И этот дядя Вова, глядя перед собою круглыми, как у совенка, стремительно голубевшими глазками, чего-то довольно гулькал себе под нос ей в ответ.

— Больного везу, не видите? — нагло сказал Мишка кондукторше. Та хотела заорать, что автобус вообще-то для здоровых задуман, но, прислушавшись к доносившемуся от бомжеватого вида мужика мурлыканью, плюнула и отошла. Вроде, ухмыльнулась даже чему-то. Про себя.

А Мише и дяде Вова предстояло сейчас самое сложное. Попасть на прием к озверевшей тетеньке Петровой, которая три полнолуния назад была глупой Мишкиной мамкой.

У бывшего офиса господина Кропоткина стояли два ряда омоновцев, продажных сытых ментов, и вневедомственная охрана. Туда-сюда сновали чины городской администрации с корзинами темно-бордовых тюльпанов засвидетельствовать свое почтение убитой горем матери. Никто не сомневался, что Мишку у Петровой похитили. Никто только не понимал — кто и почему? Врагов у Петровой уже вроде бы никаких не осталось. Последнего город с почестями схоронил на прошлой неделе с вполне законным диагнозом городского патологоанатома — острая сердечная недостаточность. А тот журналюга, который поинтересовался, не живым ли еще вскрывали покойника, быстро заткнулся. Причем сам. Подавился сразу чем-то. Вроде вилкой. Или двумя.

Но Мишки не было, а телохранительша, прикованная расстроенной Петровой к батарее, ничего толком объяснить не могла, как ее не дубасили два накаченных хлопца.

А Петрова, главное, чувствовала непрерывную сосущую тревогу. Причем объяснить ее только пропажей Мишки она не могла. Она даже умом ощущала, что с Мишкой-то все может еще и обойдется, а вот с тем, что она теряет...

Она внутренним взором мысленно искала по всей своей быстро формирующейся империи какую-то пропажу, но даже понять не могла, что же такое она потеряла. Все работало точно, учитывалось мгновенно, все материальные ценности и нематериальные активы немедленно ставились в ведомости, отчеты и утратиться внезапно никак не могли. Но отчего же такая дикая тоска поселилась в том месте, где когда-то у нее было... была... ну, такое... аналитик еще психический ей что-то за шестьсот рубликов в час рассказывал... Что же она потеряла?

— Да вдарь ты ей как следует, Макаров! — машинально сказала Петрова, кивнув головой на телохранительшу. — Сачкуешь, Макаров? Опять? Ох, и посачкуешь ты у меня!

Как и предполагал Мишка, черный ход здания почти не охранялся. Им Петрова не пользовалась. Поэтому все вывалили к главному ходу, стараясь показать Петровой, что как раз они сачковать не собираются.

А на черном входе сидел только сторож Пантелеймонович. Это не отчество, это у него фамилия такая была. Понятно, что с такой фамилией только на черном входе можно было сидеть. А звали его еще хуже — Соломон Израилевич. Он был совершенно не в курсе бурных событий последних дней и общего съезда у парадного входа. И ведь ни одна сволочь его даже не предупредила. Сидел Соломон Израилевич и тщательно счищал шкурку с жирной селедочки на газетке с кроссвордами. От своего занятия он не оторвался и в тот момент, когда Мишка пропихивал вперед через вахту черного хода полураздетого дядю Вову.

— Здгавствуй, Миша! — сказал Соломон Израилевич довольным голосом. — К маме пгишел? Не надо бы мешать маме габотать! Господин Кгапоткин этого не одобгает!

Миша понял, что Соломона Израилевича опять ни одна сволочь не предупредила, что господин Кропоткин здесь больше не работает.

— Я это... водопроводчика веду! Ненадолго я! — сказал Миша, проползая сквозь раму вертушки.

— Молодец! — любовно сказал Соломон Израилевич. И Миша не понял, к чему отнести эти его слова. Либо к мучительному преодолению им хромированной вертушки, либо к тщательно разделанной селедочной тушке.

Они поднялись по пожарной лестнице, никого, к счастью, не встретив, потом Миша осторожно выглянул в коридор. Из мамкиного кабинета двое битюгов потащили сильно побитую телохранительницу. Мишка только тяжело вздохнул и поманил бывшего демона за собой. А тот вдруг заупрявился: «Ни за что, — говорит, — не расстанусь я теперь с нею! Пошли вы все туда-то, а потом еще за угол заверните! Бейте, душите, вилками давите! А я буду вести высоко духовный образ жизни наедине с этим достижением Божественной мысли! Хрен вам всем, а не души! Вам для такой жизни души без надобности!»

Мишке тут пришлось объяснять еще этому гаду, что его мамка без души такого натворить может, что мало никому не покажется. Всем станет всего полно! Прямо в штанах!

Пока объяснялись, битюги вернулись, конечно. Недалеко они куда-то телохранительшу свалили. Ну, прихватили они за шкирку обоих наших мужичков, да к Петровой в кабинет обратным ходом и доставили.

— Валентина Викторовна! А с этими что делать? — пробасил старший по званию.

— В расход! Ой, постойте-ка! Это же Миша мой! Вроде! А с тем — разберитесь как следует. Только на ковер больше не капайте! Ковер стоит больше всех вас оптом.

— Мам! Ты чего? — спросил ее Мишка, вцепившись в рукав дяди Вовы, которого дружно подхватили под микитки мамины хлопцы.

— А вы, дамочка, ничего случаем не потеряли? Что на лице пурга метет, милая? — вдруг радостно спросил ее дядя Вова. — Не это ли ищешь, хорошая?

Петрова пристально посмотрела на него особым взглядом, заранее обещавшим мало хорошего. Но тут Вовик распахнул перед нею свой засаленный кителек, а там, крепко прижавшись к его широкой груди, покрытой буйной рыжеватой растительностью, светила и радостно переливалась всеми красками ее, Петровой, бессмертная душа. И только она замурлыкала от внезапного избытка света, как Петрова на полусогнутых рванула к своей душе... Потому что, девочки, шуба — это

хорошо, деньги — это еще лучше! Всех ментов в городе к перламутровому ноготку, а чиновных мужиков по полкам — кайф, девочки, редкий. Но самое лучшее — это когда душа на месте...

Что сказать о бывшей империи какой-то Петровой? Да кто ее вспоминает нынче? Рассыпалось все в миг, будто и не было ничего. Одно демоническое наваждение. Бесовщина какая-то. Бездуховная. Дверь, правда, на месте осталась, телик японский — тоже. Но Микки Маусы при первой же стирке, к великой радости Мишки, навсегда слиняли с его одеяла.

Дядю Вову Петрова взяла к себе жить насовсем. Остатками ума она, конечно, понимала, что вариант этот — из последних, что Вова этому самое место на городской помойке. Но ничего со своею душою, которая где-то в подземных мирах разделилась у нее надвое, поделать не могла.

«Мы с Вовочкой две половинки одной души!» — оправдывалась Петрова перед соседками, развешивая сушиться стиранные Вовины манатки. И соседки только крутили головами и не понимали, откуда такие дуры берутся? Да и Вова этот ее мохнатый был тот еще чудила. Видать, из Нижнего Тагила.

Вначале дядя Вова честно пытался спать у них на полу на кухне, но, поскольку новенькая душа звала его к окончательному объединению, он постепенно перебрался под бок к Петровой.

Весной Мишку выгнали из садика в школку. На остатки прежней роскоши Петрова купила огородный участок с баней. А дом там стали общими усилиями возводить Мишка и бывший демон дядя Вова. Редиску и лук в тот год уже свои кушали.

И настало тогда у них счастье. Мишке к школе купили костюм за восемьсот шестьдесят рублей, кепку, как у Сашки из второго подъезда, за тридцать восемь рублей, пенальчик с пикалками за восемнадцать рублей десять копеек.

Дядя Вова устроился грузчиком в продуктовый ларек на рыночный пятачок. Стал местной достопримечательностью. В обеденный перерыв, к всеобщему удивлению армян, цыган, татар и азербайджанцев, он читает огромную книжку с биографиями великих полководцев. Вернее, читал пару раз. Пока книжку не сперли.

Он ловко переделал Мишке мамкин старый сумарь на отличный такой рюкзак. Магией почти не пользовался. Он вообще теперь редко к ней

прибегает. Разве что дня за три до получки. Остатками магических сил дядя Вова в такие критические дни обучает порхать через забор к Мишке, стоящему на шухере, мороженные куриные окорочка и упаковки куриных сосисок. А вот с говядиной и бараниной у него ни разу не получилось. Били даже. Понял он тогда, короче, что бараны не летают.

Мишина бабка сбилась с пенсии на кроссовки внуку и книжки разные для первого года обучения, пообещала даже брелок купить с выпученными глазками. Пить запоем она после больнички для богатых побаивается, так что деньжонки у нее водятся. Она же горячий стаж раньше еще выработала, а теперь вообще к одному новому русскому устроилась. Кастрюли и картошку чистить — в подсобницы к повару-китайцу. Китаец вполне свой человек, хоть и китаец. Жалеет бабку. Два раза в неделю. Больше бабке никак нельзя при ее радикулите. Мишке приходится ее в такие жалостные дни встречать, китайскую кулинарию до дома оттаскивать. Только все овощные продукты этот китаец нарочно переделывает в мясо и грибы под соусом. Сука. Хотя дядя Вова говорит, что для здоровья это даже полезнее.

А Петрова... Да ну ни чо таким Петровым не бывает! Даже в сказках! Ржет опять по-прежнему. Дура, одним словом. Мишка так и понял, когда мамка мечтательно ему сказала на днях, что им с дядей Вовой, наверно, скоро аист принесет еще кого-то. Мишка вначале рассердился на этого демонического мамкиного примака, а потом, глядя, как мамка весело собирает осколки только что кокнутого ею же последнего в доме фужера, подумал, что хрен с ними. Пускай веселятся. К счастью же!

Ижевск, апрель 2003 г.